

На правах рукописи

Горбунова Виктория Александровна

**РЕАЛИЗАЦИЯ ТИПОВЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР
БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННОГО БЛОКА В «ПАРЕНЕСИСЕ»
ЕФРЕМА СИРИНА В ПЕРЕВОДАХ XIV–XX ВВ.**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Новосибирск – 2016

Работа выполнена в Секторе языков народов Сибири Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель	главный научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор Кошкарёва Наталья Борисовна
Официальные оппоненты	декан гуманитарного факультета, профессор кафедры древних языков Новосибирского национального исследовательского государственного университета, доктор филологических наук, профессор Панин Леонид Григорьевич доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук Сабельфельд Наталья Михайловна
Ведущая организация	Кафедра филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения Новосибирского государственного технического университета

Защита состоится 3 июня 2016 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 003.040.01 по защитам диссертаций на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук.

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8
Тел.: (383) 330 84 69
Факс: (383) 330 15 18
E-mail: dissovet_d_003.040.01@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Полный текст диссертации доступен по адресу: http://philology.nsc.ru/dissovet/2016_02.php

Автореферат разослан 16 апреля 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. А. Мальцева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено описанию структуры и семантики реализаций типовых синтаксических структур бытийно-пространственного блока в тексте «Паренесиса» – переводного сборника учительных слов авторства Ефрема Сирина.

Объектом исследования являются простые предложения в тексте памятника, в структуру которых входит сирконстант – обязательный для смысловой и коммуникативной полноценности высказывания компонент, выраженный именем в косвенном падеже или наречием.

Предмет исследования – структурно-семантический анализ названных типов предложений с применением метода моделирования, их описание как двусторонних языковых единиц синтаксического уровня.

Цель работы заключается в выявлении круга конкретных структурных разновидностей бытийно-пространственных гипермоделей, элементарного простого предложения церковнославянского языка в том виде, в котором он представлен в сборнике, системном исследовании круга структур, выражающих различные типы пространственных отношений, а также производных от них моделей, реализующих непространственные значения.

Для достижения поставленной цели в работе последовательно решаются следующие **задачи**:

1. Каталогизировать структуры, употребляющиеся в тексте памятника для описания разнообразных пространственных ситуаций.

2. Определить прототипическое значение для каждой из моделей, выявить те дифференциальные признаки, на основании которых формируются семантические классы, и проследить дальнейшее смысловое членение внутри классов.

3. Установить системные связи между пространственными моделями, очертить границы структурно-семантического варьирования.

4. Определить круг вторичных, непространственных значений, реализуемых структурами бытийно-пространственного блока в тексте «Паренесиса».

5. Соотнести конкретные структуры с типами непространственных значений, которые они могут транслировать, охарактеризовать семантические трансформации с точки зрения метафорических концептов, лежащих в основании переноса.

6. Провести аналогичное исследование бытийно-пространственных структур во фрагментах «Творений» Ефрема Сирина; сопоставить язык древнерусского и современного переводов как текстов единой тематики, ориентированных на читателя с христианской картиной мира, однако созданных в разные периоды существования языка.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В церковнославянском языке древнейшего периода, как мы можем заключить из материалов «Паренесиса» Ефрема Сирина, функционировало не менее 57 моделей с прототипической пространственной семантикой: 16 из них служат для выражения разных типов статических пространственных отношений, 41 употребляются при описании динамических пространственных ситуаций. Внутри этих двух классов структурно разграничиваются сопостранственные и несопостранственные отношения, а также разные геометрические конфигурации позиционирования субъекта относительно локума.

2. В христианской картине мира пространственные отношения складываются не только в физической реальности, но и на том виртуальном пласте действительности, где функционируют невоплощенные сущности (Бог, ангелы, бесы). Для описания пространственных ситуаций в нематериальной сфере используется тот же набор структур, что и для физической, но в редуцированном виде: так как действующие в виртуальном мире сущности и объекты образуют замкнутый круг и, по большей части, имеют слабо выраженные геометрические характеристики, пространственные отношения, устанавливающиеся между ними, отличаются меньшим разнообразием.

3. Для церковнославянского языка характерен смешанный глагольно-именной тип выражения пространственных значений. Тип выражаемого в предложении пространственного значения определяется семантикой глагола, формой имени, выступающего в роли локализатора, и, как правило, значением сопутствующего ему предлога. Частотны морфосинтаксические процессы – распространенный метод редукции в тексте памятника, – в результате которых предлог встраивается в словообразовательную структуру глагола в виде приставки.

4. Внутри семантических классов между пространственными моделями складываются парадигматические отношения структурной вариативности и синонимии. Структурная вариативность обусловлена, во-первых, ненормированностью графического облика отдельных предлогов, во-вторых, функционированием ряда моделей в предложном и беспредложном вариантах.

5. Структуры бытийно-пространственного блока регулярно употребляются в тексте для выражения непространственных значений. Для статических структур характерны вторичные значения состояния, действия, эмоционального и социального отношения, ситуативного тождества; для динамических – вторичные значения состояния, действия, психического восприятия, эмоционального отношения и трансформации. Некоторые из перечисленных значений (духовного и социального состояния, психического восприятия, эмоционального отношения) могут реализовываться в элементарных простых предложениях, прочие же

связаны с осложнением плана содержания.

6. Наиболее подвержены семантическим трансформациям пространственные структуры инэссивного, иллативного, инаблативного, суперлативного и апудлативного типов.

7. Помимо передачи пропозициональных значений, неэлементарные простые предложения, реализующие структуры бытийно-пространственного блока, используются в целях установления темпоральных, каузальных и целевых отношений между событиями, а также для эксплицитного выражения квалификативной категории модуса.

8. Сопоставление двух переводов памятника позволяет выявить специфику языка современных текстов религиозной направленности, в котором в целях трансляции базовых, сакральных смыслов и создания специфического стиля, отражающего преемственность религиозных произведений, актуальные для современного русского языка синтаксические модели и схемы метафоризации органически сочетаются с архаическими элементами, заимствованными из церковнославянского языка.

Актуальность работы обусловлена как объектом исследования, так и подходом к его изучению. «Паренесис» Ефрема Сирина на данном этапе представляет малоизученный памятник древнейшего периода распространения письменности и становления литературного языка у восточных славян. Активное изучение представленного лингвистического материала началось только в последнем десятилетии, и, как следствие, в исторической лингвистике пока отсутствует исчерпывающее описание разноуровневых языковых особенностей сборника. В частности, синтаксис «Паренесиса» описан крайне фрагментарно, преимущественно в традициях формального синтаксиса. В связи с этим представляется продуктивным реализовать системный подход к исследованию высшего яруса церковнославянской языковой системы и выявить те отвлеченные образцы, на базе которых строились конструкции определенной семантики в тексте памятника. Исследование синтаксических единиц в единстве их плана выражения (структурной схемы) и содержания (пропозиции), прослеживание процессов структурно-семантического варьирования и трансформации в реализациях выявленных бытийно-пространственных моделей позволит составить более полное представление о специфике функционирования языковой системы как средства оформления и выражения мысли в древнейший период.

Новизна работы заключается в том, что метод моделирования синтаксических единиц впервые применяется для изучения синтаксиса церковнославянского памятника, в котором отображен литературный язык восточных славян на самых ранних стадиях его формирования. Кроме того, в фокусе исследования находится синтаксический ярус системы средств выражения пространственных значений, которая до сих пор не получала

детального описания в отечественной исторической лингвистике.

Теоретическая значимость. Описание синтаксической подсистемы моделей с пространственным значением, репрезентированных в памятнике древнейшего периода, дает богатый материал для исследования синтаксиса русского языка в диахронном аспекте. Кроме того, представленный список синтаксических моделей с пространственным значением вносит существенный вклад в обзор разноуровневых средств выражения пространственных отношений в церковнославянском языке.

Практическая значимость. Сведения, полученные в результате исследования, могут учитываться при составлении словарей церковнославянского языка (в частности, для уточнения сочетаемостных свойств глаголов и значений предлогов), использоваться для выбора наиболее точных соответствий конструкциям бытийно-пространственного блока при переводе памятников древнейшего периода на современный русский язык. Цитируемые в тексте фрагменты могут выступать в качестве иллюстративного материала при изучении грамматического и синтаксического строя в курсе старославянского / церковнославянского языка.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были изложены в виде докладов на Международных научных студенческих конференциях «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирский государственный университет, 2012, 2013, 2014 гг.), на Всероссийской Интернет-конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики» (Красноярский государственный педагогический университет, 2012 г.), на научно-практической конференции «Рубежи филологии» (Новосибирский государственный университет, 2013 г.) и на Международной междисциплинарной научной конференции «Метаморфозы культуры на рубеже тысячелетий» (Новосибирский государственный университет, 2014 г.). По теме исследования имеется восемь публикаций, четыре из них – в реферируемых изданиях.

Материалом для исследования послужила выборка элементарных и неэлементарных простых предложений с обязательным локативным компонентом из Троицкого списка (сер. XIV в.) «Паренесиса» Ефрема Сирина, включающего в себя сто пять отдельных учительных произведений. Количество рассмотренных в ходе исследования единиц насчитывает около 6300. Отбор материала проводился методом сплошной выборки из текста сборника (в качестве источника текста использовались фотокопии, опубликованные на интернет-сайте Троице-Сергиевой Лавры). Перевод контекстов на современный русский язык осуществлялся с опорой на Словарь русского языка XI–XVII вв., «Старославянский словарь» Р. М. Цейтлин, «Материалы для древнерусского словаря по письменным памятникам» И. И. Срезневского. В четвертой главе работы в целях сопоставительного анализа рассматриваются фрагменты из «Творений»

Ефрема Сирина – сборника переводов произведений богослова на русском языке начала XX в.

Теоретической и методологической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по структурному, семантическому и когнитивному синтаксису, а также текстологии и лингвотекстологии: Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, В. А. Белошапковой, В. В. Виноградова, Г. А. Волохиной, М. В. Всеволодовой, В. Г. Гака, Ф. Данеша, О. Ф. Жолобова, Л. П. Жуковской, Г. А. Золотовой, Т. А. Колосовой, Т. П. Ломтева, И. А. Мельчука, А. Мустайоки, Л. Г. Панина, Е. В. Падучевой, В. А. Плунгяна, Л. Талми, Л. Теньера, Ч. Филлмора, М. И. Черемисиной, Н. Ю. Шведовой, Е. Н. Ширяева, Т. В. Шмелевой и др. Работа выполнена в рамках теории моделирования структуры и семантики элементарных простых предложений в языках разных систем, разрабатываемой сотрудниками Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск).

Основным **методом**, применявшимся в рамках исследования, является метод моделирования структуры и семантики предложения, позволяющий представить множество фраз (речевых реализаций предложений как языковых единиц) в виде абстрактного образца, объединяющего как структурные, так и семантические свойства данного множества. Помимо этого, в работе использовались методы первичного лингвистического наблюдения, описания, сопоставления, трансформации и количественных подсчетов.

Объем и Структура работы. Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Списка литературы и Приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** выделяется объект и раскрываются предмет, цели, задачи исследования и методы их решения, обосновывается актуальность исследовательской работы, определяется ее новизна, теоретическая и практическая значимость, называются источники материала, формулируются положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Теоретические основания исследования типовых синтаксических структур пространственного типа в “Паренесисе” Ефрема Сирина» состоит из трех параграфов. В первом параграфе «“Паренесис” Ефрема Сирина как объект лингвистического исследования» определено место «Паренесиса» в круге средневековых славянских памятников, сделан обзор лингвистических работ, посвященных описанию сборника.

В Древней Руси наследие Ефрема Сирина, одного из наиболее известных и влиятельных христианских богословов, поэта и оратора, было известно прежде всего по сборнику учительных слов – «Паренесису», который был переведен на церковнославянский язык с греческого

приблизительно в X–XI вв. «Паренесис» считается одной из самых читаемых книг в Древней Руси и других славянских землях. Тексты подобного рода были проводниками старославянского влияния на русскую литературную норму и оказывали стабилизирующее влияние на употребление и распределение вариантных форм, которые были широко распространены в древнерусской письменности. Таким образом, можно утверждать, что списки рассматриваемого памятника – ценный источник разнообразной историко-лингвистической информации о церковнославянском языке.

Во втором параграфе «Принципы моделирования структуры и семантики предложения» освещаются различные подходы к описанию структуры и семантики простого предложения, определению объема синтаксической парадигмы и классификации структурно-семантических типов предложений.

Теория моделирования складывается в середине XX в., когда в лингвистике утверждается представление о предложении как целостной двусторонней языковой единице. Т. П. Ломтев вводит понятие модели предложения, которая определяется как «образец, по которому строится не одно данное предложение, а множество различных предложений», что позволяет свести многообразие конкретных предложений в речевой действительности к ограниченному набору типовых образцов. Идеи, высказанные Т. П. Ломтевым, становятся базисом для трех основных подходов к теории моделирования простого предложения в отечественной лингвистике – структурного, семантического и комплексного.

Данное исследование проводится с опорой на комплексный подход к моделированию простого предложения, который получил отражение в трудах представителей новосибирской синтаксической школы – М. И. Черемисиной, Т. А. Колосовой, Н. Б. Кошкаревой, Е. К. Скрибник, И. А. Невской, Н. Ч. Сэрээдар и др.

Базовым является понятие об элементарном простом предложении (ЭПП) – центральной единице языковой системы. Это «такое простое предложение, которое состоит только из предиката, “верховного” члена предложения, и непосредственно подчиненного ему необходимого “предметно-субстантивного окружения” – актантов и локализаторов» [Черемисина, Скрибник, Сэрээдар 1996: 6]. Под моделью ЭПП понимается «формула, отображающая предложение как двустороннюю синтаксическую сущность», которая «представляет собой единство структурной схемы, фиксирующей важнейшие характеристики формальной структуры предложений данного типа, и обобщенной пропозиции, отражающей тип описываемого события» [Черемисина, Озонова 2005: 41]. Структурная схема – план выражения модели ЭПП – включает в себя все обязательные компоненты предложения. Планом содержания ЭПП является пропозиция – языковое отображение

определенного типа событий, ситуаций, «положения дел», «один и тот же абстрактный инвариантный синтаксический смысл, общий для фраз, которые могут иметь совершенно разные конкретные смыслы» [Черемисина, Озонава, Тазранова 2008: 56]. Для характеристики плана выражения ЭПП в работе применяется понятие типовой синтаксической структуры (ТСС) – базовой простейшей конструкции, устойчивого синтаксического образования с прототипическим значением [Кошкарева 2007: 5].

В третьем параграфе «Представление о пространстве в современной лингвистике» рассматривается лингвистическая категория локативности и связанные с ней понятия. Локативность как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, складывается из частных категориальных компонентов – пространственных отношений, которые представляют собой «соположение в пространстве какого-либо предмета, события, признака и некоторого пространственного ориентира» [Всеволодова, Владимирский 1982: 6]. Облигаторный минимум для представления отношения некоторых сущностей в пространстве составляют три компонента: 1) локум – сущность, определение местонахождения которой является основным смыслом высказывания; 2) субъект – сущность, которая принадлежит той же локативной ситуации, что и объект локализации, но отличается от него и местонахождение которого предположительно известно тому, кто воспринимает высказывание; 3) пространственное отношение, связывающее данные компоненты.

Конкретные типы пространственных отношений выделяются на основании ряда признаков. Одним из базовых критериев является оппозиция статических и динамических локативных ситуаций. Статические отношения между локумом и объектом локализации предполагают их неподвижность по отношению друг к другу в рамках рассматриваемой ситуации. Этот класс представлен только одним типом отношений – отношениями локации. Динамические пространственные отношения образуют более разнородную группу и отличаются большей сложностью. Внутри класса динамических конструкций выделяется три разновидности, в зависимости от того, относительно какого (или каких) локума(ов) ориентировано движение объекта локализации. И. А. Невская определяет их как отношения делокации, адлокации и транслокации:

1) делокация – это динамические пространственные отношения, которые предполагают разрушение предшествующей локативной ситуации между субъектом и локумом;

2) адлокация – это динамические пространственные отношения, которые предполагают установление новой локативной ситуации между субъектом и локумом;

3) транслокация – это динамические пространственные отношения,

складывающиеся из цепочки последовательно сменяющих друг друга отношений адлокации и делокации [Невская 2005: 22].

Пространственные отношения также классифицируются по топологическому критерию – соотношению топологических характеристик субъекта и локума. Подобные классификации представлены в работах А. Е. Кибрика, В. А. Плунгяна и др. В работе используется типология пространственных отношений, предложенная И. А. Мельчуком. Частные пространственные отношения в ней определяются исходя из следующего ряда основных возможных способов реализации локализации: ‘в’ – ИН-; ‘на’ – СУПЕР-; ‘под’ – СУБ-; ‘перед’ – АНТЕ-; ‘сзади’ – ПОСТ-; ‘на боку’ – АД-; ‘у / около’ – АПУД-; ‘вокруг’ – ЦИРКУМ-; ‘между / среди’ – ИНТЕР- [Мельчук 1998: 54]. В целях объединения моделей в структурно-семантические классы в диссертационном исследовании выстраивается классификация, совмещающая данную типологию локализаций с оппозицией статических и динамических пространственных ситуаций.

Глава 2 «Структуры бытийно-пространственного блока в “Паренесисе” Ефрема Сирина» включает в себе три параграфа, которые описывают реализации в тексте памятника трех базовых бытийно-пространственных гипермоделей.

Первый параграф «ТСС с семантикой статической локализации посвящен конструкциям, реализующим гипермодель $LEX^{Loc} V_f^{Ex} N_1^{Ex}$. Структуры, сохраняющие прототипическую семантику, составляют 47% от данного сегмента выборки. Они выражают следующие частные пространственные значения: инэссивное, суперэссивное, субэссивное, антеэссивное, апудэссивное, интерэссивное и циркумэссивное.

Таблица 1

Изосемические реализации статических ТСС

Тип пространственного значения	Модели
Инэссивное	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ вз N_{Loc}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ внѣтрѣ/внѣтри оудѣ N_{Loc}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ посрѣде/посрѣде N_{Loc}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ о N_{Loc}^{Loc} (и пламя бѣдетъ въ оустехъ твоихъ ‘и пламя будет в устах твоих’, иако иаши внѣтрѣ оудѣ стѣпы ‘у тебя внутри ступья’).
Суперэссивное	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ на N_{Loc}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ верхѣ N_{Gen}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ сверхѣ N_{Gen}^{Loc} (аспида лютаи на гнѣздахъ своихъ ‘лютый аспид на своем гнезде’, и верхѣ ихъ инѣ двѣ лицѣ ‘и сверху их другие два лица’).

Субэссивное	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ подъ N_{Instr}^{Loc} (подъ ярмомъ съць 'под ярмом будучи')
Антеэссивное	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ предъ N_{Instr}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$ (красотѣ показати предъ придѣвшииися женами 'красоту показать [находясь] перед попавшимися женщинами'; 'рабъ сѣднѣ а владыка предѣстоити' 'раб сидит, а владыка стоит [перед ним]'.)
Апудэссивное	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ у N_{Gen}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ при N_{Loc}^{Loc} (а также ее беспредложный вариант $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Loc}^{Loc}$), $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} N_{Dat}^{Loc}$, $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ влизъ N_{Gen}^{Loc} (видити женѣ стоиши у кѣли свои 'видит женщину, стоящую у его кельи'; при братѣхъ бѣаго... лежа '[Лазарь] лежал у ворот богатого'; да идѣ вселити близъ братъи 'да пойду поселюсь возле братьев').
Интерэссивное	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ посредѣ N_{Gen}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ межи N_{Gen}^{Loc} (и отроца же посредѣ ии 'и отрок посреди их двоих').
Циркумэссивное	$N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ о N_{Loc}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ окоитъ ADV^{Loc} (но и железа имѣть о выахъ своихъ 'но и железо у них вокруг шеи.)

Смысловая вариативность моделей одной группы определяется экспликацией определенного параметра референтной пространственной ситуации, а именно: наличие / отсутствие контакта между субъектом и локумом, степень удаленности от границ локума, расстояние, разделяющее несопространственные объект и локум.

Специфика «Паренесиса» как религиозного произведения проявляется в том, что пространственная организация свойственна не только физическому миру, но и так называемой над-реальности, где находятся нематериальные сущности, принадлежащие христианской картине мира. По причине того, что локумы над-реальности представлены замкнутой группой объектов и пространств с упрощенной геометрией, для описания пространственных отношений в данной сфере используется более ограниченный набор языковых средств.

Более чем половину (53%) реализаций статических структур бытийно-пространственного блока составляют контексты, семантика которых отклоняется от базового пространственного значения. Причины трансформации заключаются в неизосемическом наполнении типовой структуры. Результатом этих процессов является частичная подмена пространственной семантики, которая, как правило, сопровождается

введением дополнительного пропозиционального значения. Однако в двух группах конструкций: с семантикой социального отношения и духовного состояния – перенос ситуации из физической сферы происходит с сохранением элементарности.

Элементарные простые предложения со значением социального положения представлены конструкциями вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \Psi N_{Gen}^{Loc}$ (и приидъчѣ жѣ емѣ витати ѿ старецѣ некыхѣ ‘и случится ему обитать у неких стариков’); $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \Psi N_{Instr}^{Loc}$ (но члѣци си с ними жѣ і азѣ живѣ ‘но эти люди, с ними ведь и я живу’) и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \Psi N_{Loc}^{Loc}$ (комѣждо лицѣ і с праведными живѣтъ или в грѣшники ‘некто с праведниками живет или с грешниками’). Позиция предиката в них заполняется глаголами существования и местонахождения, а позиция локализатора – наименованиями лиц, в результате чего ситуация переносится в плоскость социальных отношений.

В ЭПП со значением духовного состояния, также являющихся реализациями структуры $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \Psi N_{Loc}^{Loc}$, механизм семантической трансформации основывается на совмещении в рамках одной ситуации обитателей материального мира и над-реальности. Существительные с семантикой лица или его части выступают в качестве локумов, сущности же, не имеющие физического воплощения, представляются как субъект локализации. Сопространственное расположение двух объектов в физической реальности в таких примерах метафоризируется, выражая идею их единения ($\Psi \Psi \Psi$ пребывает и Ψ в нем ‘в Боге пребывает, и Бог – в нем’).

Более распространенным отклонением от изосемического замещения ролей является появление в одной из непредикатных позиций лексемы с пропозициональной семантикой; в большинстве случаев она выражает статальное значение состояния или деятельности, реже – акциональную семантику или реляционные значения эмоционального, социального отношения, ситуативного тождества. Метафоризация в этой группе контекстов происходит по трем различным схемам.

Во-первых, позицию субъекта замещает обозначение лица или его части, в то время как локализатор представлен именем с абстрактной пропозициональной семантикой состояния. Связь субъекта и состояния определяется в терминах пространственных ситуаций: разные типы сопространственных отношений указывают на ту или иную степень вовлеченности, несопространственные отношения – на ее отсутствие. Подавляющее большинство контекстов такого типа составляют реализации ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \Psi N_{Loc}^{Loc}$ (притрано жѣ и люто ежѣ пребываети ѿ гнѣѣѣ братѣ ‘неприятно и дурно быть в гневе, брат’), однако встречаются и отдельные

примеры других структур, например $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ ~~посредь~~ N_{Gen}^{Loc} (посредь радости и беды 'посреди радости и беды'), в которой эксплицируется интенсивность переживаемого субъектом состояния, а также ТСС $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ ~~прочие~~ N_{Gen}^{Loc} , выражающая идею несопричастности как непричастности (останемся прочие суеты влком багъства и стяжанья и мирьскыхъ нечѣстотъ 'останемся в стороне от суеты, богатства, стяжательства и мирских нечистот').

Во-вторых, в качестве субъекта выступают абстрактные существительные, тогда как позицию локализатора занимают имена с семантикой лица или его части. Семантический перенос основывается на онтологическом метафорическом механизме – восприятии человека как вместилища в отношении разнообразных ментальных и душевных процессов, локализующихся в его пределах. Основной массив конструкций этого типа также составляют реализации инэссивных моделей – $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ ~~въ~~ N_{Loc}^{Loc} (пѣныи во устѣхъ твоихъ да есть непрестанно 'да будет пение в твоих устах беспрестанно'), $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ ~~посредь~~ N_{Gen}^{Loc} (о чѣтоу процветшину яко цвѣтъ посредь дѣи и телесъ 'о чистота, процветающая, как цветок, посреди душ и тел').

В-третьих, позиция субъекта заполняется именем с семантикой эмоционального состояния, а позиция локализатора – существительным, называющим некоторый участок пространства. Внутренние процессы рассматриваются в отрыве от своего носителя, как принадлежность определенного локума, с которым связывается их возникновение: в пѣстыни сѣи страхъ есть 'в этой пустыне есть страх'.

Инэссивные структуры ($N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ ~~въ~~ N_{Loc}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ ~~посредь~~ N_{Gen}^{Loc}) в наибольшей степени подвергаются в тексте семантическим трансформациям, что свидетельствует о глубокой интегрированности набора метафор вместилища в культурное сознание носителей языка.

Во втором параграфе «ТСС с семантикой движения» описываются реализации гипермодели движения $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ ~~Lex~~^{D-S} ~~Lex~~^{D-F} ~~Lex~~^{TrLoc} (N_i^{Instr}). Выделяются следующие типы динамических конструкций: делокативные, адлокативные, транслокативные, комбинированные и ориентационные.

Среди делокативных моделей доминирует модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ ~~въ~~ N_{Gen}^{D-S} с широкой семантикой, которая предстает также в беспредложной вариации $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ N_{Gen}^{D-S} . Пространственные значения, передаваемые ее реализациями, относятся к трем различным классам: инаблативному (аше издѣзеть овча ~~въ~~ ограды 'вылезет овца из огороженного места'),

супераблативному (градеть оуже не ѿ земли. но ѿ небѣа ‘идет уже не с земли, но с небес’) и апудаблативному (островѹ не двнхнсл ѿ моря вышнш ‘остров не двинулся от моря’). Другие структуры закреплены за конкретным типом пространственных отношений (инаблативная модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ из N_{Gen}^{D-S} : и икочь же из домѹ ‘и выскочил из дому’; супераблативная модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ из N_{Gen}^{D-S} : в полночи везапѹ с нѣи вѹдетъ шумъ ‘в полночь вдруг с небес будет шум’; апудаблативная модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-S}$: хощеть свое мѣсто оставити ‘хочет оставить свое место’).

Класс адлокативных моделей состоит из пяти семантических подтипов (иллативный, суперлативный, апудлативный, сублативный и циркумлативный), каждый из которых находит выражение в специализированной структуре или наборе структур:

Таблица 2

Изосемические реализации ТСС движения

Тип пространственного значения	Модели
Иллативное	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ в N_{Acc}^{D-F} (вѣжаша в... пропасти ‘бежали в пропасти’)
Суперлативное	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} (и вездѣ на конь ‘и сел на коня’) $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ навѣрхѹ/вѣрхѹ N_{Gen}^{D-F} (настѹпати навѣрхѹ его ‘наступать сверху его’)
Апудлативное	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ къ N_{Dat}^{D-F} (и пришедѣ къ дверемѣ брата своего ‘и пришел к дверям брата своего’) $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Loc}^{D-F}$ ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$: припадаю вамѣ о друзѣи ‘припадаю [к] вам, о друзья’)
Сублативное	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ подѣ N_{Acc}^{D-F} (подѣ таремѣ пришедѣ есть ‘[некто] под ярем пришел’)
Циркумлативное	$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{D-F}$ (предикат содержит показатель глагольной ориентации – префикс о-: обидоша мѣ яко пчелы сотѣ ‘обошли меня, как пчелы [обходят] сот’)

Транслокативные конструкции включают реализации четырех структур: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{TrLoc}$ (пѹтемѣ градѹщаяа вѣа странннѣа примаша ‘сех странников, путем идущих, принимали’), $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{TrLoc}$ и наченншш

N_{Acc}^{TrLoc} (и утро... $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ N_{Dat}^{TrLoc} (опане течухъ по врадѣ емѣ ‘сопли текли по его бороде’). Многочисленность структурных разновидностей указывает на высокую вероятность смысловой дифференциации, однако объем выборки недостаточен для того, чтобы разграничить семантические разновидности. Можно предположить, что контексты вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{TrLoc}$ репрезентируют способ локативной реализаций ИН-, а конструкции вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ по N_{Dat}^{TrLoc} связаны со способом СУПЕР-.

Комбинированные структуры, в которых совмещаются делокативное и адлокативное пространственные значения, в тексте встречаются редко; их появление обычно вызвано стремлением к экспрессивности. В памятнике частотны конструкции, в которых позиции двух локализаторов – директива-старта и директива-финиша – заполнены формами одной и той же лексемы (не переходите ѿ домѣ в домѣ ‘не переходите из дома в дом’) или именами, семантика которых содержит в себе контрастирующие элементы (ико ѿ высотъ небѣныхъ в ровъ иниде ‘от высот небесных в ров сошла’).

Группа структур с семантикой ориентации объединяет модели, которые могут быть противопоставлены друг другу по ряду признаков: подвижность и количественные характеристики ориентира, тип траектории движения, геометрическая конфигурация ситуации. Структуры со статичным ориентиром $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ мимо $N_{Gen}^{Stat-Orient}$ (ико конь скорѣ мимо [насѣ] течець ‘как быстрый конь бежит мимо нас’) и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Stat-Orient}$ (со впасаньемъ многомъ минеть ѣ ‘он минет его с большой опаской’) представлены парой семантически эквивалентных вариантов модели – предложной и беспредложной.

Основным дифференциальным признаком в группе структур с динамическим ориентиром является соотношение направлений движения субъекта и ориентира. Конструкции, описывающие пространственные ситуации, где субъект и ориентир движутся в одном направлении (причем ориентир занимает позицию впереди субъекта), являются реализациями двух ТСС – $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{Dyn-Orient}$ (овьца послѣдовавшая пастырю ‘овцы, следовавшие пастуху’) и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ за $N_{Instr}^{Dyn-Orient}$ (идущю за друзьми ‘идущему за друзьями’). Тип ситуации, в котором движение субъекта и ориентира выстраивается по одной траектории, но направлено в противоположные стороны, описывается ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на срѣтєные $N_{Gen}^{Stat-Orient} / N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на срѣтєные $N_{Dat}^{Stat-Orient}$ (изидѣте на срѣтєные ‘выйдите навстречу ему’, изидѣт на срѣтєные емѣ ‘выйдут навстречу ему’).

В большей части реализаций ТСС движения прототипическая

семантика видоизменяется за счет неизосемического заполнения синтаксических позиций. Как и в статических структурах, перенос из базовой сферы в прочие без утраты элементарности наблюдается в структурах со значением социального положения и духовного состояния. Специфичным для данной гипермодели является перенос ситуации движения в психическую сферу, который происходит в двух типах конструкций.

К первому относятся контексты вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} (и нынѣ владыко призи на раба твоего ‘и теперь, владыка, взгляни на раба своего’) с одушевленным субъектом и предикатом, выраженным глаголом с семантикой зрительного восприятия реальности; ко второму – реализации иллативной ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ въ N_{Acc}^{D-F} (а молитва моя въ уши бѣ въ видѣ ‘а молитва твоя в уши Богу вошла’), в которой позицию локализатора занимают наименования органов слуха, а позицию субъекта – имена, называющие различные слуховые впечатления. Различия в замещении синтаксических позиций указывают на то, что восприятие органами зрения рассматривается как волевой акт, осуществляемый лицом-субъектом. Слуховое же восприятие, напротив, воспринимается как непроизвольный процесс, обозначаемый конструкциями, в которых позиция локализатора замещается именами со значением лица, что порождает метафору ‘человек – это пассивный контейнер для различных звуковых впечатлений, входящих в его сферу’.

Небольшое количество примеров относится к окказиональным образованиям, реализациям модели $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ въ N_{Acc}^{D-F} с семантикой физиологического и эмоционального состояния.

Неэлементарные неизосемические реализации ТСС движения, репрезентирующие преимущественно статальную и акциональную семантику, образуют структурно разнородную группу. Выделяются следующие продуктивные механизмы метафоризации:

1) ‘человек представляет собой контейнер для происходящих с ним процессов’: адлокативные модели ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ въ N_{Acc}^{D-F} : и ввидѣть трепеть в кости ‘и войдет трепет в кости’, да придетъ на мя владыкъ ‘да придет на меня благодать’);

2) ‘состояние выступает в качестве вместилища для участников, которых оно затрагивает’: делокативные модели ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ ѿ N_{Gen}^{D-S} : потщима извѣжати ѿ стыда ‘попытаемся убежать от стыда’; $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ N_{Gen}^{D-S} : трудъ хотъ ѣжжати ‘[от] труда хотя убежать’; $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ из N_{Gen}^{D-S} : яко из мертвыхъ възкрша ѿ из глубины бесстрашиа бѣи ‘будто из мертвых, воскресли из бесстрашия божьего’), адлокативные модели ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ въ N_{Acc}^{D-F} : да когда въ волѣзнь впадеши ‘когда в болезнь

впадешь’);

3) ‘физическое расстояние определяет степень причастности’: делокативные модели ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: *яко бѣатыство вѣжити ѿ него* ‘богатство бежит от него’), адлокативные модели ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} кз N_{Dat}^{D-F}$: *ни рана не пристѣпитъ къ телеси твоємѹ* ‘и рана не подступит к телу твоему’); $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$: *присно чтеньи прилипати* ‘всегда [к] чтенью прилипать’);

4) ‘направленность – это цель’: адлокативные модели ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ на N_{Acc}^{D-F} : *грядѹщи на зло* ‘идуший на зло’);

5) ‘следование – это подражание / уподобление’: модели ориентированного движения ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ *вслѣдѣз* N_{Dat}^{D-F} : *видиши мѧ гзгрѣшаща вслѣдѣ мене не ходи* ‘видя, что я грешу, не ходи мне вслед’);

6) ‘трасса – это образ действия’: транслокативные модели ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Instr}^{TrLoc}$: *и влѣком дѣтелю кѣгом ходити* ‘и всяким благим деянием ходит’); $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ по N_{Dat}^{TrLoc} : *по тмѣ ходити* ‘по тьме ходит’).

Изолированные группы формируют неэлементарные простые предложения (неЭПП) – реализации ТСС $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ *вз* N_{Acc}^{D-F} , транслирующие семантику социального отношения (*не вниди вѣ суд с рабом твоимѹ* ‘не входи в суд с рабом твоим’) и трансформации (*и пакы печаль ваша в радость вѣдетъ* ‘и печаль ваша в радость превратится’).

В третьем параграфе «ТСС с семантикой каузированного движения» в качестве объекта исследования выступают структуры вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} Lex^{D-S} Lex^{D-F} Lex^{TrLoc} (N_i^{Instr})$, осложненные компонентом, обозначающим дополнительного участника ситуации – каузатора движения.

Изосемические конструкции составляют около 43% от общего числа реализаций моделей перемещения. Особенности соотношения различных структурных разновидностей с частными пространственными значениями повторяют те закономерности, которые наблюдаются в контекстах с семантикой движения. Однако их структурной особенностью является регулярное смешение форм винительного и инструментального падежей имен в позиции локализатора в реализациях ТСС антелативного и сублативного типов. Ср.: *предѣ престоломѹ сѣтымъ и высокымъ. влѣкы всѣмъ поставлявати* ‘перед святым и высоким престолом владыки всех ставят’ и *и повинн выи свои подѣ яремѹ* ‘и нагни шею свою под ярем’.

17% контекстов составляют ЭПП, в которых пространственное значение реализуется в психической, социальной и духовной сферах.

Круг примеров реализации ТСС перемещения в социальной сфере очень узок и преимущественно состоит из делокативных конструкций,

передающих семантику профессиональной деятельности.

В основании переноса ситуаций перемещения в духовную сферу лежат те же метафорические концепты, что и в реализациях ТСС движения. Однако расширенная структура с дополнительным компонентом, называемым каузатора ситуации, позволяет осуществлять более детальную градацию активности членов ситуации (каузатор > движущийся объект > локум), вводить дополнительные фигуры, влияющие на внутреннюю жизнь человека, и выстраивать систему отношений между ними (оппозиция **Богъ, ангелы – дьявол, бѣсы**, изображение их как противоборствующих сил, придающих человеку импульсы разнонаправленного движения).

Контексты с семантикой психического движения подразделяются на два типа. В первом ситуация перемещения представляет собой модификацию ситуации психического движения, в которой субъект оказывается «расщеплен» на двух участников ситуации, между которыми устанавливаются субъектно-объектные отношения – лица и частей его тела. Ситуации зрительного и слухового восприятия разграничиваются на структурном уровне, но ситуации слушания находят здесь выражение не в иллативных, а в апудлативных структурах (*приклони ко мнѣ оухо твое* ‘преклони ко мне твое ухо’). В контекстах другого типа в качестве перемещаемого объекта выступают имена, означающие некоторый объем аудиальной информации – подобное представление ситуации является вариацией трансформационной модели, которую Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют как метафору «поля зрения» (*си вложитъ врагъ во оухо его* ‘вложит враг это в ухо его’).

Неизосемические неЭПП выражают статальную и акциональную семантику. Процесс метафорической трансформации происходит в них по следующим моделям:

1.1. Субъект – сущность, объект – лицо, локум – состояние. Метафорическое представление ситуации: ‘сущность локализует лицо относительно состояния, которое понимается как субстанция-вместилище или точка в физическом пространстве’. Передаваемое значение: ‘субъект испытывает изменения в физическом / эмоциональном / интеллектуальном / духовном состоянии, что представляется как результат вмешательства высших сил’. На первый план выходит стихийность и непредумышленность возникновения или утери состояния, неподконтрольность ситуации человеку.

1.2. Субъект – лицо, объект – лицо, локум – состояние. Метафорическое представление ситуации: ‘лицо-субъект локализует лицо-объект относительно состояния, которое понимается как субстанция-вместилище или точка в физическом пространстве’. Передаваемое значение: ‘субъект испытывает изменения в физическом / эмоциональном / интеллектуальном

/ духовном состоянии в результате действий, осуществляемых другим лицом'. В ряде случаев субъект и объект могут совпадать, что эксплицирует умышленность и добровольность перехода из одного состояния в другое со стороны носителя.

2.1. Субъект – сущность, объект – состояние, локум – лицо. Метафорическое представление ситуации: 'сущность локализует состояние – дискретный материальный объект – относительно лица, которое понимается как вместилище для разнообразных внутренних процессов'. Передаваемое значение: 'субъект испытывает изменения в физическом / эмоциональном / интеллектуальном / духовном состоянии, что представляется как результат вмешательства высших сил'.

2.2. Субъект – лицо, объект – состояние, локум – лицо или его часть. Метафорическое представление ситуации: 'лицо-субъект локализует лицо-объект относительно состояния, которое понимается как субстанция-вместилище или точка в физическом пространстве'. Передаваемое значение: 'субъект испытывает изменения в физическом / эмоциональном / интеллектуальном / духовном состоянии в результате действий, осуществляемых им самим, реже – другим лицом'. В данной группе контекстов носитель состояния по большей части предстает активным участником ситуации, свободно управляющим своими внутренними процессами.

В **Главе 3** «Структуры бытийно-пространственного блока как средство организации дискурса в “Паренесисе” Ефрема Сирина» дается характеристика неэлементарных простых предложений, семантика которых выходит за пределы пропозициональных значений.

В начале главы рассматриваются контексты, в которых имена – продукты номинализации пропозиций – встречаются одновременно в нескольких непредикатных позициях, а семантика структуры сводится к установлению отношения между двумя транслируемыми ситуациями. Согласно терминологии Т. В. Шмелевой, подобный тип сложных смысловых конструкторов называется добавочными логическими пропозициями второго класса. Репрезентировать пропозиции второго класса могут и статические, и динамические ТСС (включая модели каузированного движения).

Среди всего набора статических ТСС способностью выражать межпропозитивные отношения обладает только $N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} V_f^{\text{Ex}} \text{ в } N_{\text{Loc}}^{\text{Loc}}$. Подобные структуры выражают временной тип отношений и могут быть развернуты в сложноподчиненное предложение с временным союзом *когда*: *въ млтвахъ терпѣливъ* 'в молитвах терпелив > когда он молится, он терпелив'. В таких контекстах событие принимает функцию активатора проявления признака: характеристика оказывается релевантной только в соотнесенности с другим действием.

В блоке динамических контекстов пропозиции второго порядка выражает модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$. Между двумя событиями устанавливаются целевые отношения (событие, обозначенное именем, определяет цель, на достижение которой направлено движение).

В ТСС каузированного движения возможность транслировать семантику отношения между событиями заложена на уровне гипермодели, изначально приспособленной для выражения каузативных отношений.

Выделяются три различных схемы наполнения структур, приводящих к семантическому переносу. При применении первого механизма трансформации позицию субъекта замещает имя с пропозициональной семантикой, что позволяет косвенно определить референтное событие как причину, по которой объект совершает движение: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$: [похоть] изгна еврѣ \bar{w} рая 'похоть изгнала Еву из рая'.

В другой схеме трансформации девербативы, знаменующие события, занимают в конструкции две позиции одновременно. Каузальное значение выходит на первый план, в то время как пространственная семантика реализуется только метафорически, эксплицируя динамический аспект ситуации: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{ въ } N_{Acc}^{D-F}$: в какѣ ти кончинѣ \bar{w} еде ослѣшанье 'в какую кончину сведет тебя ослушание'.

В конструкциях третьего типа реализуется не каузативная семантика в чистом виде, а темпорально-соотносительное значение, осложненное дополнительным каузативным смыслом. Позиции объекта и локализатора занимают имена событийной и / или признаковой семантики, позицию субъекта-каузатора – наименование лица или сущности: $\text{вкоренити же злымъ обычан тако во аличчевѣ} \bar{w} \text{ въбѣдене въ жажн многопитие во снѣ слабость. во истинѣ же лжи}$ 'так, укоренит злой обычай в голоде объедание, в жажде – многопитие, во сне – слабость, в истине же ложь'.

Таким образом, ряд моделей бытийно-пространственного блока употребляется в тексте сборника для выражения межпропозитивных отношений разного рода. Каждый из трех типов моделей тяготеет к репрезентации определенной пропозиции второго класса.

Далее следует описание неЭПП, в которых структуры бытийно-пространственного блока используются для комплексного выражения модус-диктумных отношений. В ряде структур предметом оценки становится собственно информация и некоторые присущие ей свойства. Такие конструкции представляют собой реализации ТСС инэссивного и иллативного типов, в которых один из непредикатных членов является результатом редукции диктумной пропозиции, а другой – лексемой с семантикой мыслительной деятельности или результата мыслительной деятельности.

Мыслительный процесс интерпретируется в тексте двояко. В

структурах, где слово лексико-семантической группы ‘мышление’ занимает позицию локализатора, процесс осмысления ситуаций реальности представляется в виде принятия их в личную сферу человека, где происходит ментальная обработка: $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$: *вѣки бо пишуть напасть в помысли* ‘бесы пишут в уме напасть’.

Появляясь же в роли движущегося субъекта при событии-локализаторе, мыслительная способность, напротив, предстает как динамичное начало, которое движется в направлении «изнутри – вне» по отношению к личности-носителю и локализуется в пространствах разнообразных событий:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$: *имѹщимъ прино оумъ вѣ вещьхъ* ‘всегда имеющим ум в вещах’.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} N_{Acc}^{Ob} \text{ в } N_{Acc}^{Loc}$: *пригвожденъ бо есть оумъ нхъ всегда вѣ тлимаи и малаи* ‘пригвожден их ум всегда в тлимое и малое’.

Оценочность как модусная категория включает в себе передачу авторского позитивного или негативного отношения к диктумному содержанию. В тексте представлены два типа структур, кодирующих подобную информацию.

Во-первых, для синтезированного выражения ситуации и авторского отношения к ней используется инэссивная модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ в } N_{Loc}^{Loc}$. В роли локализатора выступают имена с пропозициональным значением, в то время как позицию субъекта замещают имена с оценочной семантикой: *о чудо братья в чуднѣмъ бо его въздержаньи и во мнозѣмъ его бдѣнии і вѣ плачи і на земли лѣганьи тѣла его* ‘о, чудо, братья, в чудесном его воздержании, и в долгом бдении, и в плаче, и в лежании его тела на земле’.

Во-вторых, модусное значение передачи отношения субъекта к ситуации, в которую он вовлечен, выражается при помощи суперлативных конструкций вида $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Ex} \text{ на } N_{Loc}^{Loc}$: *на клеветѹ готовъ* ‘на клевету готов’.

Прототипическая семантика структуры $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Acc}^{Obj} \text{ на } N_{Acc}^{D-F}$ подразумевает, что пространственная ситуация находится в процессе становления. Признак, называемый предикатом, проявляется по отношению к намерению, что придает ситуации модусный оттенок.

Выделяется также класс контекстов, в которых выражаемая семантика раскрывается только при обращении к метатекстуальному уровню через отсылки к религиозным текстам. Вследствие этого в тексте появляются случаи нетипичной редукции, когда в локализаторах, представленных именной группой с предлогом, усекается именная часть. К примеру, во фрагментах текста, повествующих о Страшном суде, регулярно подчеркивается значимая оппозиция двух пространственных ситуаций: ‘субъект находится вне рая / царства небесного’ – ‘субъект находится

внутри рая / царства небесного'. Исходным способом представления этих ситуаций являются конструкции вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{внѣ} N_{Gen}^{Loc}$ и $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{внѣтъ} N_{Loc}^{Loc}$, но более регулярно они находят выражение в конструкциях вида $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex} \text{ADV}^{Loc}$ (и *мнѣмъ внѣтъ сѣще быти* 'и мня, [что ему] внутри быть', *внѣ обратителѣ* 'вне окажется'). Ближайший контекст не дает информации о локуме, однако оценка локализаций 'внѣ' как негативной, а 'внѣтъ' как позитивной сохраняется.

Аналогичный процесс происходит и для оппозиции 'справа – слева' (*ниже ошину обратителѣ* 'которые слева окажутся'; *его рѣдѣ шнѣмгостомнѣ оубѣжи быша* 'поэтому [они] были осуждены стоять слева'). Представление о правой стороне как предпочтительной, по сравнению с левой, восходит к новозаветному отрывку, повествующего о Судном дне.

В **Главе 4** «Реализации ТСС бытийно-пространственного блока в "Творениях" Ефрема Сирина» проводится анализ синтаксиса современных переводов некоторых текстов из «Паренесиса».

Система пространственных отношений, находящих выражение в языке, и комплекс способов их репрезентации в общих чертах совпадает с соответствующими церковнославянскими. Отличия заключаются преимущественно в функционировании конкретных ТСС и частных передаваемых ими значениях. По структуре предложений язык «Творений» отличается унифицированностью форм: вариативность предложных и беспредложных моделей сохраняется только в антеэссивной группе, в то время как в апудэссивных и апудаблативных ТСС предложно-падежные формы локализаторов вытесняют беспредложные. В делокативном блоке более последовательно соблюдается соотношенность структур с определенным типом пространственной ситуации; модель $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ от N_{Gen}^{D-S} не синкретична, в отличие от церковнославянского аналога.

Пространственные метафоры «Паренесиса» представлены в тексте в полном объеме, однако ряд метафорических механизмов теряет свою продуктивность. Лежащие в их основе базовые метафоры контейнера и поля зрения оказываются наиболее естественными для современного русского языка, в то время как метафоры трассы как образа действия, удаленности как непричастности функционируют в тексте на уровне окказионализмов и фразеологизированных конструкций соответственно.

Проведенный анализ показывает, что, в противоположность однородному языку «Паренесиса», в тексте «Творений» Ефрема Сирина последовательно и органично смешиваются черты языковых систем двух различных периодов.

С одной стороны, представленные в нем реализации моделей бытийно-пространственного блока отражают процессы модернизации языка: многочисленные изменения прослеживаются как в отдельных элементах

системы (появление новых ТСС, развитие вторичных значений у моделей), так и на более фундаментальном уровне (исчезновение вариативности, унификация форм), затрагивая в том числе и неизосемические конструкции (фразеологизация отдельных метафорических моделей). Вместе с тем в тексте сборника прослеживается явное влияние церковнославянской языковой системы, которое проявляется в сохранении ряда ее элементов, избыточных и ненормативных для современного русского языка – архаичных структур, непродуктивных метафорических механизмов.

Композитность языка «Творений» объясняется, прежде всего, устойчивостью христианской картины мира, сохранением базовых пространственных концептов (онтологические оппозиции 'верх – низ', 'внутри – вне'; виртуальные пространства как часть мироустройства), которые находят отражение в языке, тем самым сближая церковнославянскую и современную русскую языковые системы. С другой стороны, появление в тексте избыточных архаичных структур, возможно, следует считать приметой функционального стиля, проявлением принципа соборности, который «обеспечивает одновременное функционирование текстов, созданных (переведенных) в разное время и отражающих разные синхронные срезы языка» [Панин 1996: 65] на синтаксическом уровне.

В **Заключении** обобщаются выводы, достигнутые в ходе исследования. Проанализировав элементарные простые предложения с пространственной семантикой в тексте «Паренесиса», автор выявляет широкий круг моделей, на базе которых они строятся, – в общей сложности 57 единиц. Из них 16 обладают прототипической статической семантикой, 41 предназначена для описания динамических пространственных ситуаций (16 из них осложнены введением дополнительного актанта – лица, каузирующего движение). Внутри каждого из этих двух классов наблюдается структурно-семантическое расщепление в соответствии с предложенной И. А. Мельчуком классификацией способов реализации локализации. Наиболее частотны в выборке конструкции, реализующие локализации типа ИН-, СУПЕР-, АПУД- и АНТЕ-. Дальнейшая смысловая дифференциация каждого из подтипов связана, как правило, с деталями взаимного расположения субъекта и локума относительно друг друга (удаленность субъекта от границ локума, наличие или отсутствие контакта с поверхностью локума). Специфические геометрические характеристики субъекта и локума, напротив, редко маркируются средствами синтаксического уровня.

Характерной чертой христианской картины мира является то, что в терминах пространственных отношений организуется не только физическая реальность, но и над-реальность – виртуальная надстройка действительности, на которой размещаются невоплощенные, высшие сущности (Бог, ангелы, бесы). Действующие на ней реалии представлены

ограниченным списком одушевленных существей (высшие силы, души, овеществленные, антропоморфные абстрактные понятия) и виртуальных локумов (рай, ад, место суда), геометрические характеристики которых неопределенны, а также немногочисленных объектов материального мира с более определенной геометрией (облако, ложе, престол). В связи с этим пространственные отношения, устанавливающиеся между ними, отличаются меньшим разнообразием, и, соответственно, описание пространственных ситуаций в над-реальности редуцируется: так, нехарактерным оказывается употребление нескольких структур для описания пространственных ситуаций одного класса.

Для церковнославянского языка характерен смешанный глагольно-именной тип выражения пространственных значений. Тип выражаемого в предложении пространственного значения определяется семантикой глагола, формой имени, выступающего в роли локализатора, и, как правило, значением сопутствующего ему предлога. Частотны морфосинтаксические процессы – распространенный метод редукции в тексте памятника, в результате которых предлог встраивается в словообразовательную структуру глагола в виде приставки. Редуктивные процессы в целом широко распространены в тексте памятника: тенденция к опущению субъекта, который находится в теме, прослеживается во всех типах структур, в статических конструкциях во многих случаях не получает выражения предикат.

Внутри семантических классов между пространственными моделями складываются парадигматические отношения структурной вариативности и синонимии. Структурная вариативность обусловлена, во-первых, ненормированностью графического облика отдельных предлогов ($N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **посредѣ/спосредѣ** N_{Gen}^{Loc} , $N_{Nom}^{Ex} V_f^{Ex}$ **внутрѣ/внутри** N_{Gen}^{Loc}), во-вторых, функционированием ряда моделей в предложном и беспредложном вариантах ($N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **къ** N_{Dat}^{D-F} и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ N_{Dat}^{D-F} , $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ **ѡ** N_{Gen}^{D-S} и $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot}$ N_{Gen}^{D-S}). Последнее наиболее характерно для структур, где имя-локализатор стоит в форме дательного или родительного падежей, которые, по всей видимости, однозначно маркируют делокативную и апудлативную разновидность адлокативного типа отношений и в меньшей степени нуждаются в уточнении пространственного значения посредством приставки.

Структуры бытийно-пространственного блока регулярно употребляются в тексте для выражения непространственных значений. Для статических структур характерны вторичные значения состояния, действия, эмоционального и социального отношения, ситуативного тождества; для динамических – вторичные значения состояния, действия, психического восприятия, эмоционального отношения и трансформации. Некоторые из перечисленных значений (духовного и социального

состояния, психического восприятия, эмоционального отношения) могут реализовываться в элементарных простых предложениях, прочие же связаны с осложнением плана содержания.

Наиболее подвержены семантическим трансформациям пространственные структуры инэссивного, иллативного, инаблативного, суперлативного и апудлативного типов, а также структуры с семантикой следования и транслокативные структуры, что связано с укоренившимися в картине мира носителей языка метафорическими концептами:

- ‘человек представляет собой контейнер для происходящих с ним процессов’;
- ‘состояние выступает в качестве вместилища для участников, которых оно затрагивает’;
- ‘физическое расстояние определяет степень причастности’;
- ‘направленность – это цель’;
- ‘следование – это подражание / уподобление’;
- ‘трасса – это образ действий’.

Активное применение ориентационных метафор для осмысления абстрактных состояний, разворачивающихся вне физической сферы, указывает на принципиальную важность локативности как когнитивной категории в сознании носителей церковнославянского языка. На это же указывают и живые, не закрепившиеся в языковой системе процессы переосмысления пространственных оппозиций ‘справа – слева’, ‘вне – внутри’ как аксиологических противопоставлений близкого и праведного, близкого и чуждого.

Неэлементарные простые предложения, служащие для передачи бытийно-пространственной семантики, используются для установления отношений между событиями, причем каждый из блоков соотносится с конкретным типом отношения: так, статические конструкции передают темпорально-соотносительное значение, структуры с неосложненной семантикой движения – целевое, если же динамическое пространственное значение осложняется семантикой каузации, последняя выходит на первый план. Кроме того, в неЭПП регулярно реализуются инэссивные структуры: наряду с диктумным пропозициональным значением в них находят эксплицитное выражение квалификативные категории модуса (оценка и авторизация).

Анализ текста «Творений» – современного перевода произведений Ефрема Сирина – показал, что его язык неоднороден и сочетает черты двух синхронных срезов литературного языка. Это объясняется, во-первых, устойчивостью христианской картины мира и связанных с ней пространственных концептов, а во-вторых, характерным для религиозных текстов принципом соборности. Подобное аккумулятивное усложнение языковой системы представляется специфической особенностью функционирования языка христианских текстов в диахронии.

Список синтаксических символов и сокращений

Морфологические символы: N_{Nom} – имя в форме именительного падежа; N_{Gen} – имя в форме родительного падежа; N_{Dat} – имя в форме дательного падежа; N_{Acc} – имя в форме винительного падежа; N_{Instr} – имя в форме творительного падежа; N_{Loc} – имя в форме предложного падежа; V_f – финитная форма глагола.

Семантические символы: **Ag** – агент; **D-F** – директив-финиш; **D-S** – директив-старт; **Ex** – эксисциент; **Instr** – инструмент (средство передвижения; инструмент помещения); **Loc** – локатив; **Ob** – объект; **Orient** – ориентир; **Stat-Orient** – статический ориентир; **Dyn-Orient** – динамический ориентир; **TrLoc** – транслокатив, трасса; V_f^{Ex} – финитная форма глагола со значением местонахождения; V_f^{Loc} – финитная форма глагола со значением помещения; V_f^{Mot} – финитная форма глагола со значением движения.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Горбунова, В.А. Типовые синтаксические структуры движения в «Паренесисе» Ефрема Сирина / В. А. Горбунова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Том 12. – Вып. 9. – С. 49–55.

2. Горбунова, В.А. Типовые синтаксические структуры перемещения в «Паренесисе» Ефрема Сирина / В. А. Горбунова // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 180–186.

3. Горбунова, В.А. Пространственные метафоры в «Паренесисе» Ефрема Сирина / В. А. Горбунова // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 192–198.

4. Горбунова, В.А. Особенности редуцированной репрезентации пропозиций в «Паренесисе» Ефрема Сирина / В. А. Горбунова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Том 13. Вып. 2. – С. 55–60.

Публикации тезисов докладов на научных конференциях:

1. Горбунова, В.А. Синтаксис «Паренесиса» Ефрема Сирина в семантическом аспекте / В. А. Горбунова // Материалы 50-й Международной студенческой научной конференции «Студент и научно-технических прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. – С. 100–101.

2. Горбунова, В.А. Особенности репрезентаций пропозиций в «Паренесисе» Ефрема Сирина / В. А. Горбунова // Актуальные проблемы современной лингвистики: Материалы III Всероссийской Интернет-конференции. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2012. – С. 3–11.

3. Горбунова, В.А. Пространственные метафоры в «Паренесисе» Ефрема Сирина / В. А. Горбунова // Материалы 52-й Международной студенческой научной конференции «Студент и научно-технических прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. – С. 72–73.

4. Горбунова, В.А. Особенности репрезентации акциональных пропозиций в «Паренесисе» Ефрема Сирина / В. А. Горбунова // Материалы 51-й Международной студенческой научной конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2014. – С. 52–53.